

ГЛАВА 1

Отдыхать — не работать. Банальная истина, избитая фраза, но актуальности не теряет. Попробуйте найти человека, которому ни разу за всю жизнь не довелось ее произнести. Коллега суетится, собирает сумки, уезжая на курорт, а ты, провожая его в дальний путь, с тоской вздыхаешь: «Конечно, отдыхать — не работать». Или сам, пакуя чемоданы, бронируя билеты и изучая экскурсионные брошюры, слышишь за спиной завистливый шепот: «Ему-то что! Отдыхать — не работать». И ты не можешь с этим не согласиться. Отпуск — это добро, отдых — отрада. А работа? Что ж, работа... Без нее никуда.

Для отдыха каждый сам выбирает место. Кому-то комфортно на зарубежном курорте, где полный пансион, круглосуточное обслуживание и прочие блага цивилизации. Кому-то по душе лесные тропинки, ночлег в палатках, уха из котелка, и не важно, что

ко всем перечисленным прелестям прилагаются комары, ядовитый плющ и туалет под кустом. Многие вообще не желают менять привычную обстановку, предпочитая любимым путешествиям любимое домашнее кресло, сиделки у телевизора в компании кота, пакета семечек и кружки горячего чая.

Есть и еще одна категория людей, перед которыми вопрос, где провести отпуск, вообще никогда не стоит. Почему? Да потому, что он решен окончательно, бесповоротно и изменению не подлежит еще в тот момент, когда обстоятельства вынудили их покинуть отчий дом и отправиться в большой мир пробивать себе дорогу в жизнь. Туда, где другие возможности, другие перспективы, другие деньги и потребности — одним словом, другая жизнь.

Почему эти люди, добившись всего, так и не могут смириться с потерей хлипенькой пятистенки с удобствами во дворе, вечным запахом навоза и самогонкой по праздникам где-нибудь в захудалой деревушке, где родились и провели первые двадцать лет жизни? Да потому, что там дом, там уют, особое тепло и детские воспоминания, от которых щемит в груди. Может ли что-то заменить эти воспоминания в огромном безликом железобетонном мегаполисе? Пожалуй, даже убежденный

скептик не станет спорить на эту тему. Заменить тепло отчего дома не смогут никакие блага цивилизации.

Примерно так рассуждал мужчина средних лет, обычным августовским утром стоя у подъезда типовой пятиэтажки постройки периода брежневского правления. Выглядел он не самым лучшим образом. Волосы, обычно идеально разделенные ровным пробором и зализанные на две стороны так, чтобы волосок к волоску, сейчас торчали во все стороны, являя собой иллюстрацию к популярной детской шутке про «взрыв на макаронной фабрике». Кое-где в волосах застряли остатки пищи — всё те же пресловутые макароны, приправленные сыром.

Кожа на лице несла следы многодневной попойки: извилистые борозды прочертили лицо, под глазами образовались тяжелые алкогольные мешки. Старые потертые «спортивки» с отвисшими коленями и несвежая нательная майка, плюс запах застоявшегося перегара колорита мужской фигуре не добавляли. Трясущиеся пальцы с трудом удерживали дешевую «беломорину», кое-как донося ее до припухших губ.

И все же мужчина был счастлив, блаженное выражение лица говорило само за себя.

К черту дорогой костюм в строгую узкую полоску! К черту тесный воротничок белоснежной сорочки, узкие кожаные туфли, купленные в баснословно дорогом магазине! К черту высокопоставленных друзей, встречи на высшем уровне и всю официозную дребедень, вместе взятую! Свобода — вот что означала занюханная пятиэтажка, друзья-собутыльники, потребности которых могли удовлетворить дешевый портвейн и банка кильки из соседнего продуктового магазина. Возможность выйти к подъезду в четыре тридцать утра, когда первые солнечные лучи неспешно отвоевывают территорию у сумрака ночи, закурить дедов «Беломор» и ни о чем не думать.

Не думать о том, что из-за угла соседнего здания выскочит хмырь с фотоаппаратом и твоя физия появится на просторах необъятного интернет-мира. В непотребном виде, разумеется. Не думать о том, что последняя рюмка, пожалуй, была лишней и твой язык развязался больше, чем нужно, там, где не следовало. Не надо контролировать каждый шаг, каждый вздох и каждое слово. Чем не свобода? И пусть он уже не мальчик и подобные привычки вроде как не красят, да и не по статусу. Плевать! Зато неделя отдыха

в Калуге дает силы прожить целый год в бешеном ритме мегаполиса. А раз так, значит, пользы от странной слабости куда больше, чем вреда.

Лето в Калуге шикарное. На его вкус, разумеется. Воздух пахнет совершенно по-особенному: старыми покрывками, пылью, железом и чем-то неопишимо сладким. Запах детства, запах беззаботности и всемогущества. В пять лет ты выскакиваешь из подъезда в одних трусах, мчишь по дороге к газетному киоску. Босые ноги утопают в пыли, потная ладонка сжимает монетку достоинством в три копейки, такова цена газеты «Правда», любимого издания отца. Пятки сверкают, бьют по упругому заду, пачкая трусы-«смейки». Плевать! Ведь у тебя миссия, ты бежишь за свежими новостями, чтобы вместе с завтраком отец мог насладиться изучением свежей прессы.

С наступлением отрочества новые развлечения: двухколесный «Школьник» ждет в коридоре. Украдкой, чтобы не побеспокоить мать, уснувшую лишь под утро, ты выкатываешь железного друга в подъезд, толкаешь два пролета вниз по ступеням, вскакиваешь на жесткое сиденье — и погнал! Ветер свистит в ушах, пятки соскальзывают с неудоб-

ных педалей. Плевать! Главное — ты едешь к друзьям, там жизнь бьет ключом, там радость и веселье. Такое, какое может быть только в детстве.

Новый виток, новый возраст, и удовольствия соответствующие. В шестнадцать ты тыришь у батьки болгарские сигареты «Стюардесса», прячешь их в отвороты брюк и к вечеру выскальзываешь из дома, чтобы попасть в клуб «Космос» или на танцплощадку при Дворце культуры и отдыха. Там тебя поджидают дружки, а иной раз и девчонки. Вечер движется, и вот ты, как волшебник, извлекаешь из-за отворотов брюк заветные табачные палочки. В глазах друзей ты — шикарь. Не какая-то «Прима», или «Астра», или «беломорина», обмусоленная с бумажного конца. «Болгария» с фильтром. Такие не стыдно и девчатам предложить. Девчата не отказываются, жмутся, глупо хихикают, неловко зажимают сигарету в пальцах, неумело затягиваются, кашляют и заливаются смехом. А ты — король! Ты вызвал смех девчонок.

Папироза обожгла пальцы, он отшвырнул окурочек в сторону, потянулся. Эх, как же хорошо жить на свете! Прикрыл глаза, ■ подставил лицо первым солнечным лучам.

Почему-то на ум пришел дед. В потертом ватнике он стоял на пригорке и манил рукой. Ладонь раскрыта, но выглядит как-то странно. Что не так, понять никак не удастся, мысль ускользает, словно ловишь дым решетом. Ощущение радости начало испаряться, откуда-то сбоку на лицо напозла тень, закрыв собой солнце.

«Черт, ну чего им не спится? Рань ведь не-сусветная. Наверняка алкаши местные проснулись, сейчас деньги клянчить начнут...» До конца мысль сформироваться не успела, резкая боль пронзила область живота, и сразу стало холодно. Он открыл глаза, в которых читалось недоумение. Тень не исчезла, она и не могла исчезнуть, так как вовсе не тень это, а человеческая фигура.

— Какого черта? — выдохнул мужчина, прежде чем новый взрыв боли заставил его застонать. Он опустил глаза вниз. На животе расплзлось яркое кровавое пятно. — Что...

Задать свой вопрос он не успел. Вспышки боли обрушились на него, как снежная лавина. Живот, грудь, снова живот, область предплечья — тело буквально разрывало на части. Кровь уже не сочилась, она хлестала во все стороны, заливая асфальт, крыльцо и ноги, обутые в растоптанные тапки. Он увидел, как

из живота начинают выпадать внутренности, потянулся руками, пытаюсь удержать их на месте. Кишки выскальзывали из рук, свисали гроздьями до колен, а он все пытался собрать их и вернуть в теплое нутро живота. Ладони покрылись густым слоем крови, но еще функционировали.

«Что это? Меня убивают? — взорвалась в голове мысль. — Не стой, не молчи! Нужно закричать, позвать на помощь. Да не стой ты столбом, кричи же!» А крик никак не хотел формироваться. Горло словно свинцом залили. Боль! Всему виной боль, это она не дает вдохнуть воздух и вытолкнуть из себя крик. «Ты умрешь, если не закричишь! — Остатки рационализма пытались пробиться сквозь пелену боли. — Кричи или сопротивляйся! Брось кишки, освободи руки и бей! Ты же можешь, когда-то мог...»

Кишки он не бросил, пальцы намертво вцепились в лохмотья, в которые превратилась кожа на животе. Рукам тоже досталось, они мешали точным ударам, загораживая мягкую плоть, и с ними расправились так же безжалостно, как со всем остальным. Страшно не было, только странно. Почему он? Почему сейчас? А главное — почему молча? Почему они молчат, почему даже не

матерятся? Только пыхтят от натуги, тупо выполняя монотонные движения: поднять нож, ударить, воткнуть по рукоять, вынуть и снова ударить.

Очередной удар пришелся по голове. Лезвие ножа скользнуло по черепу, снесло часть скальпа. Кожа упала на дорогу, волосами вверх. «Это кусочек тебя, — услужливо подсказала рациональная часть мозга. — Молчи дальше, и скоро весь асфальт будет усеян частями твоего тела. Вперемешку с окурками и чужими плевками». Из раны на черепе потекла кровь, почти мгновенно залила один глаз. Он попытался оторвать руку, чтобы стереть кровавую пелену. Рука не слушалась. Мутная дурнота накатывала волнами, но каким-то непостижимым образом он все еще оставался жив.

Внезапно пальцы разжались. Только его это не обрадовало. На дорогу повалились ошметки плоти, сгустки крови, внутренности вновь повисли вдоль туловища, напоминая карикатурные картинки советских времен, где в гастрономическом отделе непременно висели ленты сосисок, накинутые на железные крюки. Почему-то больше всего беспокоили именно кишки, обвисшие чуть не до земли. Руки снова зашевелились,

собирая перламутровые колбаски в то, что осталось от брюшины. Но нет, туда им больше не вернуться, как ни старайся, сколько времени ни трудись. А сколько времени? Ему казалось, что прошла вечность, хотя на деле с момента нападения прошло не больше пяти минут.

— Похоже, я умираю, — поняв тщетность собственных попыток, прошептал мужчина. Руки обмякли, упали плетью вдоль туловища, ноги подкосились, и он рухнул на крыльцо. Собственный вес потянул дальше, тело скатилось со ступеней вниз, увлекая за собой кишечник. Какое-то время мозг жил, отдавая телу бессмысленные теперь команды, но тело слушалось, мужчина полз, подминая под себя кишки. Подальше от опасности, подальше от боли.

Дополз до газона, каким-то чудом перебрался через кустарник, уперся головой в ствол дерева. Казалось, препятствие его остановит, но нет, руки продолжали загребать землю, ноги толкали тело вперед. В какой-то момент кишечник зацепился за ветку низкорослого кустарника, тонкая ткань лопнула, вываливая на траву содержимое. «Боже, какая мерзость. Поздравляю, тебя найдут мертвым в куче твоих же фекалий».

Это была последняя мысль мужчины. Мозг отключился, руки обмякли, из горла хлынула кровь, и он затих. Навсегда.

В отделении полиции по улице Веры Андрияновой стояла мертвая тишина. Сонная муха ползала по столу, с пониманием обходя стороной склоненную на руки голову дежурного по части, не нарушая тишину даже слабым жужжанием. Дежурный, сморенный летней жарой и бессонной ночью, под завязку заполненной суетой, беготней и проблемами, мирно спал. Да и как тут не уснуть? Любой на его месте вырубится после такой ночи.

Дежурство и правда «порадовало» всем, чем только может «порадовать» ночная смена в день проведения ежегодного городского праздника. И праздник-то не из шумных: собирались садоводы и огородники, владельцы личных подсобных хозяйств и садоводческих обществ обменяться опытом и получить ежегодную награду. Не байкеры, не рокеры и даже не скотоводы, для которых пьянки да драки обязательный отличительный признак. Название у праздника и то донельзя мирное — «Калуга урожайная»: разве станешь ждать подвоха от такого названия?